

ЗАВЕДЕНИЕ ТЕЛЬЕ

*Ивану Тургеневу — дань
глубокой привязанности
и великого восхищения*

Глава 1

Туда ходили каждый вечер часам к одиннадцати, так же просто, как ходят в кафе.

Собиралось там человек шесть-восемь, всегда одни и те же; это были вовсе не кутилы, а люди уважаемые, коммерсанты, городская молодежь; они выпивали по рюмочке шартреза и слегка заигрывали с девицами или вели серьезную беседу с хозяйкой, к которой все относились с уважением.

Затем к полуночи расходились по домам. Молодые люди иногда оставались ночевать.

Маленький, выкрашенный в желтую краску особняк стоял на углу улицы, за церковью Сен-Этьен; из окон можно было видеть док с разгружаемыми кораблями, обширное солончаковое болото, называемое Запрудой, а позади берег Девы Марии и его старинную потемневшую часовню.

Хозяйка, происходившая из почтенной крестьянской семьи департамента Эр, взялась за эту профессию точно так же, как могла бы стать модисткой или белошвейкой. Предрассудка о бесчестье, связанном с проституцией, столь сильного и живучего в городах, не существует в нормандской деревне. Крестьянин говорит: «Это хорошее ремесло», — и посылает свою дочь заведовать гаремом проституток, как отправил бы ее руководить девичьим пансионом.

Впрочем, заведение это перешло к ней по наследству от старика дяди, которому оно принадлежало раньше. Хозяйка и ее муж, до той поры содержавшие трактир близ Ивето, тотчас же ликвидировали его, поняв, что предприятие в Фекане будет гораздо более прибыльным, и в одно прекрасное утро они приехали взять в свои руки управление делом, начинавшим уже приходить в упадок из-за отсутствия владельцев.

Люди они были хорошие, и их сразу полюбили — и персонал заведения и соседи.

Два года спустя хозяин скончался от апоплексического удара. Новая профессия вынуждала его к бездействию и неподвижности, он очень растолстел, а избыток здоровья оказался для него губительным.

Хозяйка, овдовев, сделалась предметом тщетных домогательств со стороны всех обычных посетителей заведения, однако говорили, что она безусловно добродетельна, и даже ее девицам ничего не удалось подметить за ней плохого.

Она была высокого роста, полная и приятной наружности. Лицо ее, побледневшее в полумраке

этого всегда запертого дома, лоснилось, точно покрытое жирным лаком. Узкая бахромка фальшивых волос, пушистых и завитых, обрамляла ее лоб, придавая ей моложавый вид, не вязавшийся с пышной зрелостью форм. Неизменно веселая, с открытым выражением лица, она была не прочь пошутить, но сохраняя оттенок сдержанности, которую еще не успела утратить среди своих новых занятий. Грубые слова всегда шокировали ее, и когда какой-нибудь невоспитанный малый называл заведение, которым она управляла, его настоящим именем, она возмущалась и сердилась. Словом, душа у нее была деликатная, и хотя она обращалась со своими девицами как с подругами, но все же любила повторять, что они с ней «не одного поля ягоды».

Иной раз на неделе она выезжала с частью своей труппы в наемном экипаже за город, и они резвились на траве по берегам речки, протекавшей долиной Вальмон. То были прогулки вырвавшихся на волю пансионеров: они бегали как сумасшедшие, играли как дети, веселились, как опьяненные вольным воздухом затворницы. Расположившись на травке, они ели колбасу, запивая ее сидром, а в сумерках возвращались домой с чувством восхитительной усталости и сладостного умиления. По дороге, в экипаже, девушки обнимали и целовали Хозяйку как добрую, благодушную и снисходительную мамашу-баловницу.

В доме имелось два входа. На самом его углу по вечерам открывалось нечто вроде кабака для простонародья и матросов. Две из девиц, которым была поручена специальная коммерция в этом месте, предназначались исключительно для нужд его

клиентуры. С помощью слуги по имени Фредерик, невысокого безбородого блондина, обладавшего силой быка, они подавали на шаткие мраморные столики бутылки вина и пивные кружки, а затем, обнимая гостей и усевшись к ним на колени, выпрашивали себе угощение.

Остальные три дамы (их было всего пять) составляли своего рода аристократию, и их приберегали для обслуживания общества, собиравшегося во втором этаже, исключая те случаи, когда в них нуждались внизу, а второй этаж пустовал.

Салон Юпитера, где собирались местные буржуа, был оклеен голубыми обоями и украшен большой картиной, изображавшей Леду, распростертую под лебедем. В это помещение вела винтовая лестница, которая со стороны улицы заканчивалась узенькой дверью скромного вида. Над этой дверью всю ночь горел за решеткой небольшой фонарь вроде тех, которые еще зажигают в иных городах у подножия статуэток Мадонны, вставленных в стенные ниши.

Здание, сырое и старое, пахло плесенью. Временами по коридорам пролетал запах одеколона, а порой, когда внизу открывалась дверь, по всему дому, как громовые раскаты, разносились грубые крики людей, пьянствовавших внизу, что вызывало на лицах господ из второго этажа гримасу беспокойства и гадливости.

Хозяйка, обращавшаяся запросто со своими друзьями клиентами, никогда не покидала салон и живо интересовалась городскими слухами, которые они с собой приносили. Ее серьезная беседа разнообразила бессвязную болтовню трех женщин

и являлась как бы отдыхом после игривых шуточек пузатых господ, которые каждый вечер предавались благопристойному и безобидному разгулу, заключаемому в том, чтобы выпить рюмку ликера в обществе публичных женщин.

Трех дам из второго этажа звали Фернанда, Рафаэль и Роза-Рожица.

Так как персонал был немногочислен, то каждой из них надлежало быть своего рода образцом, воплощением известного женского типа, дабы любой потребитель имел возможность найти здесь, хотя бы приблизительно, нечто отвечающее его идеалу.

Фернанда изображала собой красавицу блондинку. Это была высокая, почти тучная, рыхлая дочь полей, которой никак не удавалось вывести свои веснушки; ее жидкая короткая шевелюра, практически бесцветная, сквозь которую виднелась кожа, напоминала реденькую расчесанную кудель.

Рафаэль, потаскушка из приморского порта, уроженка Марсея, худая, с выдающимися нарумяненными скулами, играла неизбежную роль красавицы еврейки. Ее черные волосы, напомаженные бычьим мозгом, завивались колечками на висках. Глаза могли бы казаться красивыми, не будь на правом бельма. Ее горбатый нос спускался над выдвинутой вперед челюстью, где два верхних вставных зуба резко выделялись своей белизной рядом с нижними зубами, которые от времени потемнели, как старое дерево.

Роза-Рожица, представлявшая собой какой-то шарик, словно один живот на крошечных ножках, с утра до ночи распевала разбитым голосом то похабные, то сентиментальные куплеты или расска-

зывала бесконечные и бессодержательные истории, причем переставала говорить только затем, чтобы поесть, и переставала есть только затем, чтобы поговорить. Проворная, как белка, несмотря на свою полноту и крошечные лапки, она все время находилась в движении; ее смех, целый каскад пронзительных взвизгиваний, непрерывно раздавался там и сям: в комнате, на чердаке, в кафе — повсюду, и притом без всякого повода.

Женщин из нижнего этажа звали Луиза, прозванная Цыпочкой, и Флора, которой дали кличку Качель, потому что она слегка прихрамывала; первая всегда была наряжена Свободой с трехцветным кушаком, а вторая — фантастической испанкой с медными цехинами, звеневшими в волосах морковного цвета при каждом ее неровном шаге. Обе напоминали судомоек, разрядившихся для карнавала. Они походили на любую женщину из простонародья — ни хуже ни лучше; это были настоящие трактирные служанки, и в порту их знали под прозвищем Двух Насосов.

Между этими пятью женщинами царил ревнивый мир, редко нарушаемый благодаря мудрому умиротворяющему влиянию Хозяйки и ее неиссякаемому добродушию.

Заведение это, единственное в маленьком городке, усердно посещалось. Хозяйка сумела придать ему такой приличный тон, проявляла ко всем такую любезность, такую предупредительность, так славила своим добрым сердцем, что к ней относились со своего рода почтением. Завсегдатаи старались ей угодить и торжествовали, когда кому-нибудь из них удавалось заслужить хоть некоторое внимание с ее

стороны, а когда им случалось встретиться среди дня по делам, они обычно говорили: «Итак, до вечера, вы знаете где», — как говорят: «Увидимся после обеда в кафе, хорошо?»

Словом, заведение Телье было местом истинной отрады, и редко случалось, чтобы кто-нибудь пропуская ежедневное свидание.

Но вот однажды вечером в конце мая г-н Пулен, торговец лесом и бывший мэр, пришедший первым, нашел дверь запертой. Фонарик за решеткой не горел, не доносилось ни малейшего шума из дома, он словно весь вымер. Г-н Пулен постучал сначала тихо, затем громче, но никто не ответил. Тогда он неторопливо пошел обратно по улице, пока на базарной площади не повстречался с г-ном Дювером, судохозяином, направлявшимся в то же место. Они вернулись вдвоем, но также без успеха. Вдруг где-то рядом с ними раздался страшный шум. Обойдя дом, они увидели толпу английских и французских матросов, стучавших кулаками в закрытые ставни кафе.

Оба буржуа тотчас же дали тягу, боясь себя скомпрометировать, но легкое «пст» остановило их. То был г-н Турнево, рыботорговец: узнав приятелей, окликнул. Они сообщили ему, в чем дело, и это крайне огорчило его, потому что, будучи женатым человеком и отцом семейства, за которым дома строго следили, он мог приходить лишь по субботам — *securitatis causa*¹, как он говорил, намекая на некоторую санитарно-полицейскую меру, о периодическом повторении которой ему сообщил при-

¹ Безопасности ради (*лат.*).

ятель, доктор Борд. Сегодня был как раз его вечер, и он таким образом лишился удовольствия на целую неделю.

Трое мужчин сделали большой крюк, дошли до набережной и по дороге повстречались с одним из завсегдатаев, молодым г-ном Филиппом, сыном банкира, а также со сборщиком податей, г-ном Пемпессом. Они вернулись все вместе через Еврейскую улицу, чтобы сделать последнюю попытку, но разъяренные матросы вели настоящую осаду дома: швыряли в него камнями, дико вопили, — и пять клиентов второго этажа со всей быстротой повернули обратно и по-прежнему стали бродить по улицам.

Им повстречался еще г-н Дюпюи, страховой агент, затем г-н Вассе, судья из торгового суда, и началась длинная прогулка, которая сперва привела их к молу. Они уселись рядышком на гранитном парапете, поглядывая на барашки волн. Пена на гребне валов сверкала в сумраке ослепительно белым отблеском, мгновенно же и потухавшим; однообразный шум морского прибоя, бывшего о скалы, разносился среди ночи вдоль всего скалистого побережья. Опечаленные спутники пробыли здесь некоторое время, пока г-н Турнево не заметил:

— Не очень-то это весело!

— Еще бы, — отозвался г-н Пемпесс.

И они тихонько побрели дальше.

Пройдя вдоль всей улицы Су-ле-Буа, тянувшейся над взморьем, они вернулись по дощатому мосту, перекинутому через Запруду, миновали железную дорогу и снова вышли на базарную площадь.

Тут между сборщиком податей, г-ном Пемпессом, и рыботорговцем, г-ном Турнево, внезапно разгорелся яростный спор по поводу съедобного гриба, который один из них, по его словам, нашел в окрестностях города.

Истомленные скукой, они были оба в раздражительном настроении, и дело, пожалуй, дошло бы до драки, если бы не вмешались остальные. Взбешенный г-н Пемпесс удалился, но тотчас же возникли новые пререкания между бывшим мэром, г-ном Пуленом, и страховым агентом, г-ном Дюпои, по поводу размера жалованья, получаемого сборщиком податей, и тех побочных доходов, какие он мог иметь. Оскорбительные выражения так и сыпались с обеих сторон, но вдруг разразилась буря ужасающих воплей: толпа матросов, которым надоело бесплодно дожидаться у запертого дома, выкатилась на площадь. Они шли парами, держась за руки, образуя длинную процессию, и бешено горланили. Группа буржуа укрылась в воротах какого-то дома, а завывающая толпа ринулась по направлению к аббатству. Долго еще слышались их крики, постепенно затихавшие, как удаляющаяся гроза; наконец тишина водворилась снова.

Г-н Пулен и г-н Дюпои, обозленные друг на друга, разошлись в разные стороны, не простившись.

Остальные четверо продолжили прогулку и инстинктивно вернулись опять к заведению Телье. Оно по-прежнему было заперто, безмолвно, непроницаемо. Какой-то пьяница спокойно и прямо постукивал в окно кафе и вполголоса звал слугу Фредерика. Видя, что ему не отвечают, он решил присесть на крылечке и подождать.

Буржуа собирались уже удалиться, когда шумная банда портовых моряков снова появилась в конце улицы. Французские матросы орали «Марсельезу», англичане — «Rule Britannia»¹. Они ринулись было всей гурьбой к стенам дома, а затем озверелая толпа вновь повернула к набережной, и там завязалась драка между моряками обеих наций: одному англичанину сломали руку, а французку расквасили нос.

Пьяница, все еще околачивавшийся у двери, стал теперь плакать, как плачут люди во хмелю или обиженные дети.

Наконец буржуа разошлись.

Мало-помалу мир и тишина водворились в расстроенном городе. Кое-где еще поднимался порой гул голосов, но замирал в отдалении.

Только один человек все еще бродил поблизости: то был рыботорговец, г-н Турнево, убитый тем, что ему придется ждать до следующей субботы; он все еще надеялся на какую-нибудь случайность, не мог ничего понять и негодовал на полицию, которая допускает, что общественно полезное учреждение, находящееся под ее надзором и охраной, так вот вдруг и закрыто.

Возвратившись к дому, он внимательно оглядел его стены, стараясь разгадать загадку, и наконец увидел под навесом какой-то приклеенный билетик. Он поспешил зажечь восковую спичку и прочел следующие слова, написанные крупным неровным почерком: «Закрето по случаю первого причастия».

¹ Властвуй, Британия (*англ.*) — начальные слова английского национального гимна.

Тогда он удалился, поняв, что надеяться уже не на что.

Пьяница теперь спал, растянувшись во весь рост поперек негостеприимных дверей.

На следующий день все завсегдатаи придумали предлог, чтобы пройти по этой улице, держа для приличия под мышкой деловые бумаги, и каждый из них, бросая искоса взгляд, прочитывал таинственное объявление: «Закрето по случаю первого причастия».

Глава 2

Дело в том, что у Хозяйки был брат, столярничавший в их родном селе Вирвиле, в департаменте Эр. Когда Хозяйка еще была трактирщицей в Ивето, она крестила дочь брата, которой дали имя Констанции Риве (девичья фамилия Хозяйки тоже была Риве). Зная, что дела сестры идут хорошо, столяр не терял ее из виду, хотя встречались они нечасто, так как оба были заняты своим делом, да и проживали далеко друг от друга. Но девочке вскоре исполнилось двенадцать лет, и в этом году ей предстояло первое причастие. Стараясь использовать этот предлог для сближения с сестрой, столяр написал ей, что надеется видеть ее на торжестве. Старики уже умерли; не откажет же она в этом своей крестнице. Она согласилась. Брат ее, которого звали Жозеф, надеялся, что любезным и предупредительным обращением ему удастся, быть может, добиться, чтобы сестра сделала завещание в пользу девочки: Хозяйка ведь была бездетна.

Род занятий сестры не вызывал в нем никакого беспокойства, да, впрочем, никто в его местности ничего об этом и не знал. Упоминая о ней, говорили только: «Госпожа Телье — феканская горожанка», — а это позволяло предполагать, что она, может быть, живет на ренту. От Фекана до Вирвиля насчитывали не менее двадцати лье, а для крестьянина преодолеть двадцать лье по сухопутью куда труднее, чем для культурного человека переплыть океан. Жители Вирвиля никогда не ездили дальше Руана, а жителей Фекана ничем не привлекало село в пятьсот домов, затерявшееся среди равнин и входившее в состав другого департамента. Словом, там ничего не знали.

Однако, когда время причастия стало приближаться, Хозяйка оказалась в крайнем затруднении. У нее не было помощницы, а оставить свое дело без призора хотя бы на один день нечего было и думать: неизбежно разгорелись раздоры между дамами верхнего и нижнего этажей. Кроме того, Фредерик, конечно, напьется, а пьяный он способен был убить человека ни за что ни про что. И в конце концов, она решила увезти весь свой персонал, кроме слуги, которому дала отпуск до послезавтрашнего дня.

Запрошенный по этому поводу брат не возражал и взялся устроить ночлег на одну ночь для всей компании. И вот в субботу утром восьмичасовой скорый поезд увозил в вагоне второго класса Хозяйку и ее девиц.

Поначалу они ехали в купе одни и трещали как сороки, в Безвиле к ним вошла супружеская чета. Мужчина, дряхлый крестьянин в старомодном цилиндре, порыжевший ворс которого казался взье-

рошенным, был одет в синюю блузу с воротником в мелких складках, с широкими рукавами, стянутыми у запястий и украшенными белой вышивкой. В одной руке он держал огромный зеленый зонтик, а в другой — объемистую корзинку, из которой растерянно выглядывали головы трех уток. У женщины, неподвижной и прямой в своей деревенской одежде, была куриная физиономия с острым, как птичий клюв, носом. Она села напротив своего мужа и застыла в неподвижности, смутившись, что попала в такое блестящее общество.

Действительно, яркие краски так и сияли в вагоне. Хозяйка, с ног до головы в голубом шелке, накинула на плечи красную, ослепительно огненную шаль из поддельного французского кашемира. Фернанда пыхла в шотландском платье, лиф которого, еле-еле застегнутый на ней подругами, приподнимал ее отвислые груди в виде двойного купола, который все время колыхался, словно переливаясь, под натянутой материей.

Рафаэль в шляпке с перьями, изображавшей птичье гнездо с птенцами, была одета в сиреневое платье, усеянное золотыми блестками; оно носило несколько восточный характер, что шло к ее еврейскому лицу. Роза-Рожица, в розовой юбке с широкими воланами, была похожа на чересчур растолстевшую девочку, на тучную карлицу, а Два Насоса словно выкроили свои наряды из старинных, времен реставрации Бурбонов, оконных занавесок с крупными разводами.

Как только перестали быть одни, эти дамы напустили на себя степенный вид и заговорили на возвышенные темы, чтобы внушить хорошее мнение